

И. Е. Суриков

ОСТРАКОН МЕГАКЛА, АЛКМЕОНИДЫ И ЭРЕТРИЯ
(Эпиграфическое свидетельство о внешних связях
афинской аристократии)*

Для изучения политической борьбы в Афинах раннеклассической эпохи весьма перспективной методикой представляется комплексное исследование данных нарративной традиции и вещественных источников, попытка найти точки взаимного соприкосновения между ними¹. Для указанного хронологического отрезка такой поход, сам по себе имеющий немало достоинств, является в настоящее время особенно актуальным ввиду массовых находок в последние десятилетия таких замечательных археологических и эпиграфических памятников, как острака (черепки-«бюллетени» для остракизма), зачастую несущих ценнейшую информацию, которую необходимо только должным образом интерпретировать. В данной статье мы попытаемся продемонстрировать возможности очерченной выше методики на одном конкретном примере, связанном с историей знатного аттического рода Алкмеонидов и с тем, как она преломилась в судьбе представителя этого рода Мегакла, сына Гиппократа, из дема Алопеки.

Блестящий аристократ, Мегакл был достаточно видной фигурой в Афинах первых десятилетий V в. до н.э. Он являлся родным племянником (и одновременно зятем) знаменитого реформатора Клисфена и, в свою очередь, родным дядей (и одновременно тестем) еще более знаменитого Перикла, а также дедом (по материнской линии) еще одного выдающегося политического деятеля – Алквиада². Таким образом, интересующее нас лицо располагалось едва ли не в самом центре сложных генеалогических переплетений афинской аристократии и может в определенной степени рассматриваться как образцовое воплощение евпатрида, *καλὸς κάγαθός*. Впрочем, крупным политиком Мегакл не был, и если он занимал какое-то время (после Клисфена) положение главы Алкмеонидов и концентрировавшейся вокруг них политической группировки, то чисто номинально. Ему больше по нраву были разного рода аристократические утехы, прежде всего колесничные бега. Известно, в частности, что он был победителем панэллинских Пифийских игр в состязаниях колесничников-четверок; на эту победу, одержанную Мегаклом в 486 г. до н.э., откликнулся одой великий фиванский поэт Пиндар (Pyth. VII)³.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Институт остракизма в Афинах классической эпохи» (код проекта 02-01-00010а).

¹ Примером удачного применения такой методики является, в частности, статья В.Д. Блаватского «Афинские тиранофилы конца VI – начала V в. до н.э.», впервые опубликованная в 1966 г. в малодоступном иностранном издании, а впоследствии переизданная на русском языке в кн.: *Блаватский В.Д. Античная археология и история*. М., 1985. С. 195–200.

² См. генеалогические таблицы в кн.: *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.* М., 2000. С. 249–251.

³ Об этой победе см. *Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma, 1957. P. 68.

Тем не менее в 480-х годах до н.э., которые стали временем крупного политического поражения Алкмеонидов (этому роду инкриминировались симпатии к изгнанным из Афин тиранам и дружественная позиция по отношению к Персии), жертвой обстоятельств оказался и Мегакл. В 486 г. до н.э. он подвергся остракизму (Andoc. IV. 34; Lys. XIV. 39; Arist. Ath. pol. 22. 5; Harpocr. s. v. Ἀλκιβιάδης) и был изгнан из Афин на десять лет, но в 480 г., т.е. еще до истечения положенного срока изгнания, ввиду опасности, нависшей над Элладой в связи с началом похода Ксеркса, возвращен на родину вместе с остальными жертвами первых остракофорий (Arist. Ath. pol. 22. 8)⁴. О дальнейшей судьбе Мегакла ничего определенного не известно. В античной традиции существует свидетельство (впрочем, не слишком достоверное) о том, что он изгонялся остракизмом еще раз. Оратор Лисий (XIV. 39) в крайне пристрастном и субъективном контексте, в речи, направленной против Алкивиада Младшего (сына знаменитого Алкивиада) и произнесенной в начале IV в. до н.э., обрушиваясь с нападка на предков обвиняемого, говорит, помимо прочего, о том, что двух его прадедов – Алкивиада и интересующего нас здесь Мегакла – афиняне дважды обоих (δῖς ὀμφοτέροισι) подвергли остракизму. Некоторые исследователи склонны доверять этой информации и полагают, что Мегакл действительно вскоре после своего возвращения в Афины, в 470-х годах до н.э., был вновь изгнан остракизмом⁵. Мы не принадлежим к числу сторонников данной точки зрения, считая гипотетический второй остракизм Мегакла в высшей степени сомнительным⁶, и убеждены, что единственный в античной нарративной традиции пассаж Лисия достаточно легко объясняется либо риторическим плеоназмом, либо ошибкой переписчика, либо, наконец, явной тенденциозностью – и не в пользу Алкмеонидов – оратора в данной речи, что могло повести к искажению фактов.

Впрочем, перипетии судьбы Мегакла, сына Гиппократа, интересуют нас не сами по себе, а в связи со следующим обстоятельством. Конец 1960-х годов ознаменовался сенсационной археологической находкой на афинском Керамике. В высохшем русле речки Эридан⁷ специалистами из Афинского отделения Германского археоло-

⁴ По поводу датировки остракизма Мегакла и других остракофорий 480-х годов до н.э. см. *Broner O. Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. 7. 2. P. 242; Burn A.R. Pericles and Athens. L., 1948. P. 13; Raubitschek A.E. Athenian Ostracism // Classical Journal. 1953. 48. 4. P. 119; Labarbe J. La loi navale de Themistocle. P., 1957. P. 103; Willemsen F. Ostraka // MDAI (A). 1965. 80. S. 105; Guarducci M. Epigrafia greca. Roma, 1969. V. 2. P. 529; Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 86; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 186; Knox R.A. «So Mischievous a Beast»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece and Rome. 1985. 32. 2. P. 142; Piccirilli L. Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. P. 12; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 165 ff.; Lang M. Ostraka Princeton, 1990 (The Athenian Agora. V. 25). P. 35; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 1; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 38; Doenges N.A. The Campaign and Battle of Marathon // Historia. 1998. 47. 1. S. 15; Camp J.M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. 68. 3. P. 268; Anderson G. Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. 49. 4. P. 387. В целом о политической борьбе этих лет и об историческом контексте первых остракофорий см. Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.*

⁵ Lewis D.M. The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1974. 14. 1. P. 1 ff.; Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquite classique. 1975. 44. 1. P. 172–175; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 274; Phillips D.J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 28; Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI (A). 1992. 107. S. 162 ff.

⁶ Нам уже приходилось писать об этом (Суриков И.Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № д. С. 143–146; он же. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73–79). Критику теории о двух остракизмах Мегакла см. также в работе: Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. 8. 2. P. 253–271.

⁷ О местонахождении Эридана (притока Кефиса) см. Гурова Н.К. Проблемы организации археологического парка в центре Афин // Археологические вести. 1999. № 6. С. 440.

гического института было обнаружено колоссальное количество острака (более 8.5 тысяч). Этот комплекс, к сожалению, пока не опубликован⁸, но с ним уже работали некоторые исследователи, так что можно делать определенные выводы о его составе и датировке. Не считая относительно незначительных вкраплений от более поздних остракофорий, в массе своей он относится к первым десятилетиям V в. до н.э. и может быть практически с безошибочной уверенностью трактован как продукт «сброса отработанного материала» после какого-то одного конкретного остракизма. Наиболее примечательным было то обстоятельство, что примерно на половине из общего числа найденных черепков стояло имя одного лица, и этим лицом был как раз Мегакл, сын Гиппократ, из Алопеки. Таким образом, он сразу стал абсолютным «рекордсменом» среди афинских политиков по числу известных упоминаний на острака и, более того, «лидирует» с большим отрывом: на сегодняшний день известно около 4.5 тысяч острака с его именем⁹. Иными словами, существуют в высшей степени весомые основания утверждать, что найдены материалы именно той остракофории, жертвой которой стал Мегакл, иными словами, остракофории 486 г. до н.э.¹⁰ Соответственно, те авторы, которые признают историчность второго остракизма Мегакла, относят острака с Керамика именно к нему, т.е. не к 480-м, а к 470-м годам до н.э.¹¹ Сразу следует сказать, что по чисто палеографическим или археологическим критериям сделать выбор между этими двумя датами чрезвычайно сложно, чтобы не сказать практически невозможно: слишком уж близко указанные хронологические отрезки примыкают друг к другу. Палеография за столь краткое время измениться никак не могла, а целостный археологический контекст, который мог бы очень помочь при датировании, у находки отсутствует, поскольку, как упоминалось выше, это сброс, причем сброс, возможно, гораздо более (на несколько десятилетий) позднего времени. Вопрос, естественно, только осложняется отсутствием полной публикации острака с Керамика; до сих пор «удостоились» издания лишь отдельные, наиболее яркие экземпляры из этого комплекса.

На одном из этих наиболее интересных острака нам и предстоит остановиться подробнее. Он был опубликован в 1991 г. Ф. Виллемсенем¹² и уже породил довольно обширную для столь небольшого по размеру памятника литературу дискуссионного характера¹³. Данный остракон принадлежит к той категории острака, которые, помимо имени «кандидата» на изгнание, содержат еще и разного рода дополнительные приписки, в основном инвективного характера. Таких острака всего несколько десятков из общей массы в десять с лишним тысяч, и они вполне оправданно привлека-

⁸ Существует лишь перечень острака с Керамика, распределенных по именам различных афинских граждан: *Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka* // MDAI (A). 1991. 106. S. 147–156. Совсем недавно появился каталог лиц, упоминаемых на острака: *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka*. Wien, 2001. S. 87–314.

⁹ На втором месте идет Фемистокл (около 2200 острака), на третьем – Каллий, сын Кратия (чуть больше 700).

¹⁰ Именно так датируется комплекс острака с Керамика многими исследователями: *Guarducci*. Op. cit. V. 2. P. 527; *Mattingly H.B. Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools* // The University of Leeds Review. 1971. 14. д. P. 288; *idem. The Practice...* P. дб; *Frost F.J. Themistocles and Mnesiphilus* // *Historia*. 1971. 20. 1. S. 20–25; *Thomsen*. Op. cit. P.93; *Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka* // ZPE. 1978. 31. S. 103–113; *Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism* // *Tyche*. 1989. 4. S. 100; *Lang*. Op. cit. P. 5; *Culasso Gastaldi*. Op. cit.

¹¹ См. работы, указанные в прим. 5, а также: *Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother* // *Historia*. 198д. 31. 2. S. 171; *Parker V. Zur absoluten Datierung des Leagros Kalos und der «Leagros-Gruppe»* // *Archäologischer Anzeiger*. 1994. 3. S. 372.

¹² *Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale* // MDAI(A). 1991. 106. S. 144.

¹³ *Lewis D.M. Megakles and Eretria* // ZPE. 1993. 96. S. 51–52; *Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P. 23; *Raubitschek A.E. Megakles, geh nicht nach Eretria!* // ZPE. 1994. 100. S. 381–382; *Stanton G.R. A Graf-fito on a Megakles Ostrakon* // ZPE. 1996. 111. S. 69–73; *Либеро Л. де. 'Εκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22. 8) и остракон против Мегакла* // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 89–95.

ют наибольшее внимание антиковедов, поскольку позволяют получить какую-то дополнительную информацию, помимо чисто статистической¹⁴.

Прежде всего воспроизведем текст надписи на остраконе:

[Μεγ]ακλῆς : με̄ ρετρ(ι)αζε

[ηιπ]κ(π)οκράτῶς

[3–4]λι ἔχσῶ

[3–4]εἰσέλθεις

Ст. 3: [πά]λι(v) ἔχσῶ – Willemsen, Lewis, Brenne, Stanton; [ῶλο]λι ἔχσῶ – Raubitschek.

Ст. 4: [με̄] εἰσέλθεις – Lewis; [τυπ]εἰς ἔλθεις – Raubitschek; [ῶν?] εἰσέλθεις – Stanton.

Алфавит надписи чисто аттический, без каких-либо ионизмов. Стойхедон не выдерживается. Слова με̄ ρετρ(ι)αζε написаны чуть ниже общего уровня первой строки. В целом остракон дошел в далеко не идеальной сохранности. Утрачена (обломлена) левая часть черепка, вследствие чего отсутствуют по 3–4 буквы в начале каждой строки. Лакуны следует признать небольшими, но далеко не все они без проблем поддаются заполнению. Существуют определенные (и немалые) трудности, обусловленные прежде всего тем, что надпись, сделанная частным лицом, имеет неофициальный и даже, можно сказать, ненормативный, нестандартный характер, и каких-то устоявшихся формулировок ожидать в ней не приходится.

Неясен, в частности, сам порядок нанесения надписи и, соответственно, та последовательность, в которой ее следует читать. Прежде всего, вызывают затруднение слова με̄ ρετρ(ι)αζε, отделенные двумя точками от имени Мегакла и являющиеся этаким «довеском» к первой строке. Между именем и патронимиком этим словам, конечно, не место. Перед нами – либо начало второго столбца, и в таком случае его нужно читать после четвертой строки, либо же, как недавно остроумно предположил Г. Стэнтон¹⁵, все на этом черепке, кроме имени и патронимика – основной части остракона, представляет собой нанесенное чуть позже той же рукой граффито, а значит, «довесок» (находящийся, как было отмечено ранее, чуть ниже уровня первой строки) следует читать сразу после патронимика. Оставим пока этот вопрос открытым.

Легче всего в надписи поддаются восстановлению, безусловно, первые две строки, содержащие имя с патронимиком (в переводе на привычный нам ионийский алфавит – Μεγᾱκλῆς ἱπποκράτους – Мегакл, сын Гиппократ). Причем весьма вероятно, что в имени отца писавшим была пропущена вторая π, как это часто бывает на острака, направленных против Мегакла. Как бы то ни было, не вызывающее сомнения правильное прочтение первых двух строк важно уже потому, что дает возможность рассчитать примерное количество утраченных букв в начале каждой строки. Как видим, таковых очень немного, по три-четыре буквы, причем скорее по три, чем по четыре.

Третья и четвертая строки надписи уже представляют сложности, разрешаемые исследователями по-разному и не без труда. В конце третьей строки отчетливо читается наречие ἔχσῶ = ἔξω – «вне» или попросту «вон» – слово вполне уместное на остраконе – «бюллетене» для изгнания. Перед ним сохранился конец какого-то достаточно короткого слова, оканчивавшегося на -λι. Большинство исследователей (Ф. Виллемсенем, Д. Льюисом, Ш. Бренне, Г. Стэнтоном, Л. де Либери) предложено здесь восстановление [πά]λι (= πάλιv) – «снова, опять». И именно на основании этого делается, в частности, вывод, что данный остракон, а стало быть, и все острака этой группы с Керамика принадлежат гипотетическому второму остракизму Мегакла. На наш взгляд, это весьма проблематичный ход рассуждения. Дело в том, что на-

¹⁴ Наиболее подробно об острака с такими приписками: *Siewert P. Accuse contro i «candidati» all' ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell' Istituto di storia antica (Milano) 1991. 17. P. 3–14.*

¹⁵ *Stanton. Op. cit. P. 69 ff.*

речие *πόλις* даже перед согласными очень редко утрачивает конечную *v*, а перед гласной оно должно было ее сохранить а *fortiori*. Иными словами, предлагаемое прочтение *πόλι* ничем не оправдано. Но если не это слово, то какое же? Не так-то уж и просто найти в древнегреческом языке слово, оканчивающееся на *-λι*.

Весьма импонирующий нам альтернативный вариант предложил А. Раубичек¹⁶. По его мнению, в третьей строке следует читать [*ἄλο*]λι – вокатив от прилагательного *ἄλολις*, означающего «лишенный города, изгнанник», а иногда употребляющегося как синоним *ἄτιμος* – «лишенный гражданской чести». И действительно, *ἄλολις* представляется в высшей степени подходящим эпитетом для лица, изгоняемого из полиса. Правда, как известно, афиняне, подвергнутые остракизму, не лишались на время своего изгнания гражданских прав, но достаточно сильный эпитет можно отнести на счет горячего темперамента неизвестного нам автора надписи. Можно возразить еще, что слово *ἄλολις* принадлежит скорее поэтическому, чем прозаическому лексикону; его нередко можно встретить, например, в произведениях драматургов. Однако анализ надписей на острака показывает, что рядовые афиняне, участвовавшие в остракофориях, отнюдь не были чужды высокой поэзии: так, один из них даже написал на остраконе, направленном против Ксантиппа, отца Перикла, целую небольшую эпиграмму¹⁷.

Может быть, стоит обозначить вопрос: коль скоро прилагательное, относящееся к имени Мегакла, поставлено в вокативе, не должно ли стоять в том же падеже и само это имя? Иными словами, не следует ли вместо *Μεγάκλῆς* (= *Μεγάκλῆς*) читать *Μεγάκλῆς* (= *Μεγάκλεις*)? Однако такая возможность кажется нам практически равной нулю. На многих тысячах острака не зафиксировано ни одного случая употребления имени кандидата в звательном падеже¹⁸, и вряд ли следует считать, что рассматриваемый здесь памятник является единственным исключением. Если принять вышеупомянутую точку зрения Стэнтона о нанесении надписи в два этапа (вначале имя с патронимиком, позже – все остальное), ситуация проясняется: прилагательное второй части граффито получает самостоятельное значение и не обязательно должно согласовываться в падеже с существительным из первой части.

В четвертой строке надписи ясно читается *εἰσελθεῖς* (= *εἰσελθῆς*) – *aoristus coniunctivi activi* от *εἰσερχομαι* – «входить, приходить». Конъюнктив, вне сомнения, употреблен здесь в значении императива¹⁹ и должен переводиться «войди». А точнее, как мы увидим чуть ниже, в данном конкретном контексте наиболее точным будет перевод «не входи». Перед указанным глаголом на черепке было еще какое-то слово (или часть слова?) небольшого размера, но о том, что это было конкретно, можно только гадать, чем, собственно, и занимаются исследователи. Предлагался, например, такой вариант, как отрицательная частица *μή* (Д. Льюис), но нам он представляется крайне маловероятным, поскольку, как вскоре будет показано, в надписи уже имеется бесспорное *μή*, а двойное отрицание (во всяком случае, в таком виде) древнегреческому языку не было свойственно. А. Раубичек предположил, что *εις* в четвертой строке является не глагольной приставкой, а окончанием частично сохранившегося слова *τυλαίς* (*participium aoristi passivi* от *τύπτειν* – «бить, ударять»), что дает следующий перевод строки: «будучи побитым, войди». Нам представляется наиболее близкой к истине версия Г. Стэнтона, согласно которой в начале четвертой строки могло стоять слово *ὄν* (= *ὄν*), причастие мужского рода от глагола *εἶμι*, которое следует связывать с наречием *ἔχου* в конце предшествующей строки, и все это сочетание в совокупности должно переводиться: «находясь вне (т.е. вне Афин),

¹⁶ *Raubitschek. Megakles...* S. 101.

¹⁷ Об этом остраконе см. Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 173 – здесь же приведен текст надписи и последняя литература о ней.

¹⁸ По подсчетам Ш. Бренне, на 87.4% острака имена стоят в именительном падеже, на 0.1% – в родительном, на 9.8% – в дательном, на 2.7% – в винительном (*Ostraka and the Process...* P. 24).

¹⁹ Об употреблении конъюнктива аориста с частицей *μή* вместо императива (*coniunctivus prohibitivus*) см. Соболевский С.И. Древнегреческий язык. СПб., 2000. С. 301–302.

войди...» и т.п. Подчеркнем, однако, что и это лишь более или менее вероятная гипотеза.

При всем вышесказанном, как ни парадоксально, наибольшие проблемы для интерпретации представляет лучше всего сохранившаяся часть надписи, а именно – вышеупомянутый «довесок» к первой строке, отделенный двумя точками от имени Мегакл. В этом отрезке граффито имеется только один незначительный дефект: выщербина на месте одной (причем узкой) буквы, скорее всего, представляющая собой скол верхнего слоя глины, происшедший как раз в момент нанесения буквы. Не вызывает никаких сомнений, что утраченной (точнее, так и не написанной) буквой является *iota*. Однако что может означать получающееся в результате ΜΕΡΕΤΡΙΑΖΕ? Перед нами явно слияние двух слов: отрицательной частицы *μή* (т.е. μή, если брать написание в ионийском варианте) и какого-то слова, тоже начинавшегося на букву *ε*, которая выпала в результате элизии. Восстановление оказывается достаточно прозрачным: *μή ῥετρ(ί)αζε* (= μή ἐρετρίαζε). Но что означает стоящее здесь знаменательное слово? Чаще всего его трактуют (А. Раубичек, Ш. Бренне, Г. Стэнтон) как ῥετρίαζε, ошибочную форму наречия «в Эретрию» (Эретрия – один из двух крупнейших, наряду с Халкидой, полисов острова Эвбея). Правильным должно было бы быть написание ῥετρίανδε. Ошибка может объясняться тем, что автор надписи, – вне сомнения, афинянин, – образовал форму соответствующего наречия от топонима Эретрия по аналогии с наречием «в Афины» – Ἀθήναζε (<*Ἀθήνασδε, поскольку топоним Ἀθήναι относится к категории *nomina pluralia tantum*). Перед нами, таким образом, скорее не *lapsus calami*, а *lapsus linguae*; получилось дословно не «в Эретрию», а «в Эретрии» (во множественном числе).

Д. Льюис высказывал, правда, мнение, что в надписи стоит не наречие, а императив от глагола ἐρετρίαζειν. Такой глагол, действительно, зафиксирован, но лишь как ἄλαξ λεγόμενον. Он встречается у лексикографа Гесихия (V–VI вв. н.э.) и толкуется этим автором как «шутить, забавляться, насмеяться»²⁰. В принципе, такой вариант, конечно, нельзя считать полностью исключенным. Но, во-первых, основывать какое бы то ни было прочтение на гапаксе по меньшей мере неосторожно. Во-вторых, слово с подобным значением уж очень плохо вписывается в общий контекст надписи, да и употребление императива с частицей μή выглядит странным. В-третьих, от аллюзий на Эретрию все равно уйти не удастся, поскольку сам глагол мог быть образован только от названия этого города.

Итак, нам представляется предпочтительным следующая реконструкция надписи на остраконе Мегакла:

[Μεγ]ακλῆς : μή ῥετρ(ί)αζε
[ηιλ](π)οκράτῶς
[ἄπο]λι ἐχσῶ
[ῶν?]εἰσέλθεις

Перевод: «Мегакл, сын Гиппократы, лишенный полиса, находясь (?) за его пределами, не входи в Эретрию».

Безусловно, это лишь один из возможных вариантов прочтения граффито, и мы отнюдь не настаиваем на нем. Важнее для нас другое: можно считать практически несомненным, что афинский аристократ Мегакл каким-то, пока не вполне ясным, образом ассоциируется в надписи с эвбейской Эретрией. О какой связи между Мегаклом и Эретрией может идти речь – вот что интересует нас в первую очередь, и на этом мы наиболее подробно остановимся в дальнейшем, тем более что этот вопрос, насколько нам известно, пока никем всерьез не поднимался. Стоит также задуматься и над тем, почему писавший не рекомендует Мегаклу отправляться в Эретрию.

Дать правильный ответ, не исключено, поможет следующее обстоятельство. На другом остраконе, направленном против того же Мегакла, рядом с именем этого по-

²⁰ *Hesych.* s. v. ἐρετρίαζει· σκώπτει· ἢ παίζει.

литика упоминается женское имя Кесира: [Με]γακλῆς [ἠ]πλοκράτῶς καὶ Κο[ι]σύρα. Кем была эта женщина? Кое-какие сведения на этот счет содержатся в нарративной традиции (в основном у позднеантичных и византийских схолиастов и лексикографов)²¹, но сведения эти противоречивы до фантастичности. У разных авторов, а то и у одного и того же, Кесира оказывается то женой Мегакла, о котором идет речь в данной статье, то женой афинского тирана Писистрата, жившего почти за век до него, то женой Алкмеона – одного из основоположников рода Алкмеонидов, действовавшего еще на полвека раньше. При этом настойчиво подчеркивается, что имя Кесира – эретрийского происхождения; на наш взгляд, это и есть ключ к разбираемой проблеме.

В свое время Т.Л. Шир предпринял скрупулезное исследование противоречивой античной традиции о Кесире²², и, кажется, ему удалось расставить все на свои места. Исследователь пришел к убедительному выводу (с которым и мы полностью солидарны), что имя Кесира (Κοισύρα) носили три женщины в афинской истории архаической и классической эпох. Первая из них – богатая и знатная эретриянка, которую на рубеже VII–VI вв. до н.э. взял в жены Алкмеон. С ней-то в афинскую ономастику, а конкретнее – в «именник» рода Алкмеонидов, попало это эретрийское имя. Вторая Кесира – внучка Алкмеона, дочь его сына Мегакла, – была около 557 г. до н.э. выдана замуж за тирана Писистрата, дабы закрепить альянс между Алкмеонидами и Писистратидами. История этого скандального брака (тиран жил со своей юной супругой «нестественным образом») описана и Геродотом (I. 61), и Аристотелем (Ath. pol. 15. 2), но без упоминания имени девушки. Наконец, третья Кесира тоже принадлежала к роду Алкмеонидов. Это – дочь реформатора Клисфена, жена (и одновременно двоюродная сестра) Мегакла, сына Гиппократата, являющегося «адресатом» анализируемого нами остракона²³. Именно эта последняя Кесира, по всей видимости, и упомянута в вышеприведенной надписи.

Правда, надпись эту обычно переводят как «Мегакл, сын Гиппократата и Кесирь»²⁴, но с этим мы, несмотря на кажущуюся естественность такого перевода, не можем согласиться. Как нам уже приходилось писать, матерью Мегакла скорее всего была дочь тирана Гиппия²⁵, а ее вряд ли звали Кесирой, поскольку это женское имя было употребительным в Афинах исключительно в среде Алкмеонидов. Никаких сведений о четвертой Кесире, матери Мегакла, мы не имеем, и вряд ли стоит их искусственно «создавать». Остается, на наш взгляд, предположить, что на данном остраконе (а существует еще четыре аналогичного содержания) упомянута, правда, несколько экстравагантным способом (в шутильной форме?), именно третья Кесира, жена Мегакла, которая была скандально известна в Афинах роскошным образом жизни. Иными словами, лучше перевести надпись приблизительно так: «Мегакл, (сын) Гиппократата и (муж) Кесирь».

Таким образом, данные просопографии демонстрируют наличие весьма ранних связей (уже с конца VII в. до н.э.) рода Алкмеонидов с одним из крупнейших эвбейских полисов. О том же свидетельствует и еще один факт аналогичного ряда, а именно, данные просопографии самой Эретрии, в которой обнаруживается много афинских по происхождению имен, типичных именно для Алкмеонидов (пять-шесть Мегаклов, пять Клисфенов, Калликсен, Аристоним и др.)²⁶. Имена же в аристокра-

²¹ Schol. Aristoph. Ach. 614; Nub. 46, 48, 64, 800; Pax 451; Hesych. s. v. ἐγκεκοισυραμένη; Suid. s. v. ἐγκεκοισυραμένην; s. v. Κοισύρα.

²² Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. 17. 2. P. 99–112.

²³ Реконструкция Т. Ширы была отвергнута Дж. Дейвисом (Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 369 ff.), но позже принята П. Бикнеллом (Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 77 ff.).

²⁴ Например: Lavelle B.M. Koisyra and Megakles, the Son of Hippokrates // GRBS. 1989. 30. 4. P. 503–513.

²⁵ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 17.

²⁶ Shear. Op. cit. P. 108; Cromeu R.D. Kleisthenes' Fate // Historia. 1979. 28. 2. P. 145; Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 30.

тической среде древнегреческого общества, как известно, никогда не давались без причины. Практически в каждом случае они фиксировали наличие каких-либо связей между знатными родами, ксенических или матримониальных, и таким образом «дрейфовали» из полиса в полис²⁷. «Алкмеонидовских» имен, о которых идет речь, в Эретрии больше, чем в любом другом городе Эллады, в том числе, как ни парадоксально, даже больше, нежели в самих Афинах! А на третьем месте после Эретрии и Афин по количеству этих имен идут Дельфы, при том, что тесные связи Алкмеонидов с этим религиозным центром на всем протяжении VI в. до н.э. надежно зафиксированы источниками²⁸. В остальных полисах имена такого рода единичны.

Факт тесных и ранних отношений Алкмеонидов с Эретрией, насколько нам известно, не рассматривался всерьез никем из исследователей, поскольку прямых свидетельств нарративной традиции об этих контактах не имеется. Однако, сопоставив косвенные данные, можно дать примерно следующую реконструкцию событий. Алкмеониды, отягощенные родовым проклятием (так называемой «Килоновой скверной»), в период ближе к концу VII в. до н.э. были осуждены на «вечное» изгнание (Arist. Ath. pol. 1; Plut. Sol. 12) и вынуждены покинуть родину. Где они провели годы этого изгнания, продлившегося до времени законодательства Солона, когда (в 594 г. до н.э.) род подпал под амнистию (Plut. Sol. 19)? Иногда считают, что они уже тогда обосновались в Дельфах²⁹, но это не более чем экстраполяция на более раннюю эпоху ситуации, имевшей место позже. Для конца VII в. «дельфийский» вариант не может соответствовать действительности, поскольку примерно до 595 г. до н.э., до Первой Священной войны, Дельфы находились под контролем враждебной Алкмеонидам «крисейской» группировки³⁰. Более логично предположить пребывание Алкмеонидов в Эретрии, тем более что, как отмечалось выше, тогдашний глава рода Алкмеон как раз в это время, не ранее 600 г., женился на уроженке этого полиса Кесире³¹.

Таким-то образом эретрийское аристократическое женское имя попало в Афины³², прочно в них закрепилось и со временем даже стало нарицательным: еще в конце V в. до н.э. оно обыгрывается Аристофаном (Ach. 614; Nub. 48, 800) как некий символ роскошного образа жизни. Правда, само влияние Алкмеонидов в Эретрии со временем ослабело: во всяком случае, в середине VI в. до н.э. эретрийская знать скорее склонялась уже к поддержке Писистратидов. Эретрийцы вместе с изгнанным из Афин Писистратом приняли участие в основании поселения Рекел на побережье

²⁷ Ср. *Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond* // CQ. 1990. 40. 2. P. 349–363; *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти.* М., 2001. С. 173.

²⁸ Наиболее подробно см. *Суриков.* Из истории греческой аристократии... С. 140–150 (со ссылками на предшествующую литературу). Совсем недавно этот вопрос рассматривался вновь: *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 195 слл.

²⁹ Например: *Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai. I. The Origin and Early History* // *Herathena.* 1951. 78. P. 38; *Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. V. 1.* Oxf., 1956. P. 111.

³⁰ Этот тезис был впервые выдвинут в работе: *Forrest W.G. The First Sacred War* // *BCH.* 1956. 80. 1. P. 33–52. После этого он получил широкое распространение в историографии и может считаться общепринятым.

³¹ Датировка основана на времени женитьбы Мегакла, сына Алкмеона и Кесиры, на Агаристе, дочери тирана Клисфена Сикионского (571 г. до н.э.).

³² Иное объяснение проникновения имени Кесира в ономастику Алкмеонидов дается в работе: *Lavelle. Koisyra and Megakles...* По мнению автора, это произошло через посредство Писистратидов, а эретриянка Кесира была женой тирана Писистрата. Однако достоверно известно о трех браках Писистрата: с афиняжкой, имя которой не сохранилось, с дочерью Мегакла, т.е. тоже афиняжкой (судя по всему, ее-то и звали Кесирой), и с аргивяжкой Тимонассой (см. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 65). Ни о каком четвертом браке Писистрата сколько-нибудь надежные источники не сообщают, да и места для такого брака в хронологии жизни афинского тирана не находится.

Фермейского залива³³. Да и в целом во время второго изгнания афинского тирана (ок. 556–546 гг. до н.э.)³⁴ Эретрия была едва ли не основной его базой (Herod. I. 61–62; Arist. Ath. pol. 15. 2). В частности, именно оттуда он вторгся в Аттику, чтобы в третий раз захватить там власть. Если учитывать, что в Афинах в то время ведущую роль играли враждебные Писистрату Алкмеониды, становится ясным, что влияние этого рода в Эретрии уже вряд ли в большой степени ощущалось.

В 506 г. до н.э., после свержения тирании Писистратидов и установления демократии, афиняне осуществили по инициативе Алкмеонида Клисфена военную экспедицию на Эвбею (Herod. V. 77), в ходе которой влияние Афин в целом и Алкмеонидов в частности в Эретрии было, судя по всему, полностью восстановлено. Напомним, что в начале V в. до н.э. Эретрия даже во внешнеполитическом плане шла совершенно в кильватере демократических Афин, вплоть до отправки военной помощи восставшим против персидского владычества ионийцам (Herod. V. 99). Похоже, эретрийцы на время стали кем-то вроде афинских вассалов. Итак, связи Алкмеонида Мегакла с Эретрией, отразившиеся в надписи на остраконе, имели достаточно глубокие и древние корни. Несомненно, и самому Мегаклу не раз приходилось бывать в этом эвбейском полисе, находившемся к тому же совсем недалеко от Аттики. Насколько можно судить, именно эти связи Мегакла и Эретрии, Алкмеонидов и Эретрии имел в виду «автор» надписи на остраконе, связавший воедино имя афинского аристократа и название эвбейского города. Кстати, отметим, что даже если читать на остраконе $\rho\acute{o}\lambda\iota(\nu)$, т.е. «снова», это ни в коей мере не может быть доказательством того, что он относится ко второму остракизму Мегакла. Допустим, последнему предписывается «не уходить снова в Эретрию». Но ведь Мегакл мог ранее побывать в ней по какому угодно поводу, и вовсе не обязательно находясь при этом в изгнании!

Осталось рассмотреть последний вопрос: почему же гражданин, сделавший надпись, не рекомендует Мегаклу отправляться в Эретрию и можно ли как-нибудь увязать эту деталь с общим историческим контекстом первых десятилетий V в. до н.э.? Здесь необходимо сразу подчеркнуть: такая увязка оказывается вполне убедительной, если признать, что острака с Керамика относятся к 486 г. до н.э., т.е. ко времени вскоре после известных событий 490 г. Афины тогда смогли отбить натиск персов, нанеся им поражение при Марафоне, а вот их соседям и союзникам эретрийцам повезло значительно меньше. О несчастной судьбе Эретрии, захваченной персидским войском, повествуют многие античные авторы, наиболее подробно – Геродот (VI. 98 sq.) и Страбон (X. 448). Вожди карательной экспедиции Датис и Артаферн, взяв город, подвергли его полному разгрому, так что долго после этого, еще во времена Страбона местные жители показывали любопытствующим фундаменты разрушенных зданий. А после этого персы прибегли к своему излюбленному методу: цепью прочесали всю эретрийскую хору, вылавливая скрывшихся на ней жителей. В отличие от многих островов, где аналогичные операции приводили к полной поимке всего населения (Herod. VI. 31), в данном случае они не дали стопроцентного эффекта, и многим из эретрийцев удалось ускользнуть. Схваченных же посадили на корабли и отвезли в Персию, где компактно поселили.

Насколько можно судить, персы не оставили от Эретрии буквально камня на камне. Очевидно, именно на это обстоятельство и намекает афинянин, сделавший надпись на остраконе Мегакла, когда он не советует последнему ехать в столь милую его сердцу Эретрию: ехать было, собственно, некуда, Эретрия не существовала. Но прошло несколько лет – и ситуация изменилась. Спасшиеся эретрийцы начали вос-

³³ *Viviers D.* Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // *JHS.* 1987. 107. P. 193–195.

³⁴ Об изгнаниях Писистрата и их датировке см. *Heidbuchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Attis // *Philologus.* 1957. 101. 1/2. S. 70–89; *Bicknell P.J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // *Historia.* 1970. 19. 2. S. 129–131; *Camp J.M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994. P. 7; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die alteren griechischen Tyrannen // *Chiron.* 1998. 28. S. 201.

становливать родной город. Уже в 480 г. до н.э. Эретрия вновь фигурирует в источниках и даже выставляет в общегреческие силы, собранные для отражения нашествия Ксеркса, определенное количество военных кораблей и гоплитов³⁵. Завершая работу, хотелось бы особенно оттенить следующую мысль: остракон, который многие авторы считали аргументом в пользу датировки основной массы острака с Керамика 470-ми годами до н.э., в действительности, кажется, косвенно доказывает как раз противоположное, поскольку по вышеизложенным обстоятельствам с большей степенью вероятности может быть датирован 480-ми годами. Таким образом, второй остракизм Мегакла так и остается историографическим мифом.

MEGACLES' OSTRAKON, THE ALCMAEONIDAE AND ERETRIA
(*An Epigraphical Evidence for Foreign Relations of Athenian Aristocracy*)

I.E. Surikov

A Kerameikos ostrakon against Megacles, son of Hippocrates, from the Alcmaeonidae family, was published in 1991. It bears an inscription bidding Megacles not to go to Eretria (in Euboea). The graffito confirms a tradition on long-standing and enduring ties between the Alcmaeonidae and Eretrian aristocracy. The ties in question must be dated back to the 7th century BC, when the Alcmaeonidae were exiled from Athens and were living most probably in Eretria; Alcmaeon, who was at that time head of the family, married an Eretrian woman called Koisyra. The author of the graffito did not recommend Megacles to go to Eretria because in 480s BC, when Megacles was ostracized, that city did not actually exist, as it had been destroyed by Persians in 490s BC. A second ostracism of Megacles in 470s, postulated by some scholars partly on the basis of the cited ostrakon, proves to be a historiographical myth.

---

³⁵ Впрочем, небольшое: 7 триер (*Herod. VIII. 1*) и менее 600 гоплитов (*Herod. IX. 28*).